

Е. И. Литневская

«Антиорфография» как лингвистический феномен и как письменная речевая субкультура

Статья посвящена «афтарскому языку» («языку падонков») как одной из форм письменной разговорной речи; автор рассматривает его лингвистическое устройство и показывает, что данный феномен из факта контркультуры превратился в явление письменной речевой субкультуры.

Ключевые слова: разговорная речь, письменные жанры разговорной речи, «язык падонков», речевая субкультура.

E. I. Litnevskaya

“Antiorthography” as a Linguistic Phenomenon and as a Written Colloquial Speech Subculture

The article deals with “aftarsky jazyk” (“jazyk padonkov”) as one of the forms of written colloquial speech; the author considers its linguistic structure and shows that from the fact of counterculture this phenomenon has turned into the fact of written colloquial subculture.

Keywords: colloquial speech, written genres of colloquial speech, “jazyk padonkov”, colloquial subculture.

На рубеже XX–XXI веков появились письменные формы разговорного стиля речи, которые трудно укладываются в рамки традиционных представлений функциональной стилистики. Они проявляют себя в таких основных жанрах, как чаты, форумы, гостевые книги и другие формы интерактивного общения, переписка по электронной почте, смс-сообщения, общение на «афтарском языке» (под жанрами, вслед за М. М. Бахтиным, мы понимаем «относительно устойчивый тип <...> высказываний, выработанный той или иной сферой использования языка» [1, с. 250]).

Сложность однозначной интерпретации статуса подобных жанров вызвана тем, что за разговорной речью в традиционной лингвистике признается преимущественно или исключительно устная форма бытования. Так, например, О. Б. Сиротинина пишет, что разговорная речь – это «спонтанная устная литературная речь» [22, с. 3]. Указанные же выше жанры имеют письменную форму, поэтому в некоторых статьях, посвященных сетевому языку, высказывается мнение о появлении новой, гибридной формы коммуникации: «Чат трудно вписать в дихотомию устности-письменности, он объединяет в себе признаки обоих концептов, поэтому мы говорим о гибридной форме коммуникации» [26, с. 792]. Аналогично интерпретирует подобные явления и А. А. Кибрик: «Электронный модус <...>

нечто среднее между устным и письменным дискурсом» [7, с. 9].

Тем не менее, авторы известного исследования по русской разговорной речи уже в 70-е гг. XX века разграничили понятия устной и письменной формы предъявления текста, с одной стороны, и разговорной речи и кодифицированного литературного языка – с другой. Согласно этому разграничению, выделяются концептуально устные и концептуально письменные тексты, которые могут совпадать или не совпадать с формально устными и формально письменными. К концептуально письменным, но формально устным относятся случаи публичного прочтения соответствующих письменных текстов, к концептуально устным, но формально письменным – частные письма, записки, многие тексты или фрагменты текстов художественной литературы. Конечно, «устность» перечисленных выше жанров в высшей степени условна: в отличие от произносимого текста, эти тексты чаще всего тщательно продумываются, подправляются и переписываются, так как не обладают одной из главных особенностей разговорной речи, связанной с функционированием в режиме реального времени [17, с. 13–17].

Новые, появившиеся на рубеже веков письменные формы разговорной речи связаны в первую очередь с распространением новых носителей – компьютеров, соединенных в глобальные

сети, и сотовых телефонов, позволяющих не только созваниваться, но и вести смс-переписку. Они знаменательны тем, что позволяют письменно общаться on-line, то есть в режиме реального времени, или в приближенных к этому режиму условиях. Анна А. Зализняк называет подобные формы «спонтанной письменной речью» [4].

Важно, что письменный вариант представляет собой не попытку как можно точнее зафиксировать устную РР, а особую семиотическую систему, использующую возможности материального носителя текста (см. об этом, напр., [13; 14]).

Исследования в области спонтанной письменной разговорной речи носят пока фрагментарный характер. Так, электронной переписке посвящена статья Анны А. Зализняк [4]. Особенности языка чатов затрагиваются в монографии Г. Н. Трофимовой [25] и статьях [2; 5; 12; 16], смс-общению посвящена статья [21], а «афтарский» язык описан, например, в статьях [3; 8; 15].

Предметом данного исследования является феномен, имеющий множество названий: «антиорфография», «новограф», «язык афтарграф», «олбанский язык» и даже шокирующее название «язык падонков»; последние три наименования являются самоназваниями. Больше всего данный феномен известен как «язык падонков», поэтому мы будем обозначать его аббревиатурой ЯП.

ЯП возник в середине 90-х гг. XX века как явление речевой контркультуры: в «Манифесте антиграматности» (www.Fuck.ru) было заявлено, что «настоящее искусство новова тысичулетия – это то что ни можыт делать кампютыр, а можыт делать тока чилавек». Этот сленг быстро распространился в Рунете, причем нарочитая нецензурность и цинизм отступили, отчего область употребления ЯП значительно расширилась. Выйдя за рамки исходных сетевых ресурсов, ЯП породил лексику в стиле «превед» – набор слов и выражений, получивших широчайшее распространение не только в различных жанрах сетевого языка, но и вне его (наиболее частыми являются *афтар жжот*, *йа криветко*, *кросавчег*, *аццкий сотона* и др.). Отдельные выражения ЯП можно встретить в рекламе, СМИ и даже в художественной литературе: «*Лапа, – невнятно пробормотал волк, снова принимаясь зализываться. – Афтомат жжот*» (С. Лукьяненко «Последний дозор»). Будучи написанным в орфографии КЛЯ, это выражение может быть не опознано читателем как одна из идиом ЯП, в данном же написа-

нии оно маркирует социокультурный статус персонажа – юной девушки-оборотня.

Таким образом, на сегодняшний день ЯП функционирует как явление письменной речевой субкультуры и вступает во взаимодействие с другими формами письменной разговорной речи.

В основе ЯП лежит языковая игра. Известный исследователь в этой области В. З. Санников определяет языковую игру так: «Языковая игра – это некоторая языковая неправильность (или необычность) и, что очень важно, неправильность, осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая» [20, с. 23].

ЯП построен на нарушении графико-орфографических норм КЛЯ, так что ЯП – это графико-орфографическая языковая игра. Как известно, графика устанавливает возможности письма, служащие для передачи отдельных звуков и их сочетаний; правила графики всеобщие. Орфография же описывает систему правил единообразного написания слов и их форм. Центральным понятием орфографии является орфограмма – написание, регулируемое орфографическим правилом или устанавливаемое в словарном порядке, то есть написание слова, которое выбирается из ряда возможных с точки зрения законов графики.

Полемикой языковой игры в ЯП является преимущественно основной раздел орфографии – буквенное оформление слов и морфем. Здесь ЯП реализует идею нарушения орфографических норм при соблюдении норм графики. Возможны два приема реализации этой идеи: фонетическое письмо («как слышится, так и пишется») и гиперкоррекционное письмо.

Под фонетическим принципом понимают такой способ написания слова, когда запись отражает реальное произношение, то есть позиционные изменения гласных и согласных в потоке речи. Гиперкоррекция происходит тогда, когда буквы не соответствуют написанию данного слова (например, *щ* – *сч*), однако соответствуют законам графики русского языка. Так, безударный [а] может быть результатом нейтрализации фонем <а> и <о>, поэтому запись слова *сапог* как *сопог* не соответствует нормам орфографии, но не нарушает законов графики русского языка.

Однако текст, созданный на ЯП, все же должен быть понят адресатом, поэтому полностью не совпадают с своей записью в КЛЯ только те слова, употребление которых в «антиорфографии» традиционно и составляет своего рода узальную норму для ЯИ (как, впрочем, и для дру-

гих жанров интернет- и смс-общения). Это, например, *исчо* вместо *еще* и др. «Обычные» же слова для их правильной идентификации должны сохранять некоторое сходство с их записью в КЛЯ, поэтому часто фонетический и гиперкоррекционный принципы распространяются на слово лишь частично, например: *правело* (=правило).

С использованием принципа «игры с буквой» может быть записан абсолютно любой текст. Такие тексты видятся нам источником ценной информации о наивных представлениях носителей языка о фонетических процессах и графической системе русского языка.

Так, например, фонема <j> перед ударным гласным в КЛЯ обозначается йотированными гласными буквами *я, ю, е, ё* в позициях начала слова (*яма*), после гласного (*моя*) и после разделительных знаков (*съем*). В ЯП регулярно используется обозначение этих сочетаний фонем двумя буквами. Так, *я* обозначается как *йа, ю* – как *йу, ё* – как *йо*: *йа паройу ничего не панимайу* (*я порою ничего не понимаю*). Однако вместо ожидаемого обозначения *е* как *йэ* стандартным обозначением *йе*: *йесли* (*если*). Наиболее вероятным объяснением этого феномена рефлексии над языком представляется особое положение буквы *э*, употребление которой бывает редким и описано специальными орфографическими правилами. В большом же количестве слов (*пюре, метрополитен* и т. д.) буква *е* не обозначает мягкости предыдущего согласного и тем самым воспринимается как функциональный эквивалент *э*. Интересно, что сочетания *йя, йю, йё* (первые два представлены и в нормативной орфографии – *Майя, паранойю*) практически не встречаются.

Другая интересная для анализа зона – написание гласного после непарных по твердости/мягкости согласных. В ЯП можно выявить некоторые закономерности: при написании *жи* и *ши* стандартна запись *жы* и *шы* в соответствии с реальным произношением (*жызни*), в написании же *ча, ща, чу, шу* часто встречается запись *чы, щы, чю, шю* (*случайно*). Вероятно, такая избыточность вызвана осознанием носителями языка следующего факта: обозначение мягкости согласных осуществляется йотированными гласными буквами; законы орфографии здесь нарушены, но законы графики соблюдены.

В отражении безударных гласных при использовании фонетического принципа в начале слова нейтрализация <a> и <o> стандартно обозначается как *a* (*апределенно*), а нейтрализация <i> и

<э> обозначается как *и*, в том числе с фиксацией нулевой реализации <j> (*ищцо*). В этой зоне часто встречаются примеры гиперкоррекции в замене начального *и* на *е* (*езображал*) и в замене безударного *a* на *o* (*роскозала*), причем узуальной нормой является гиперкоррекция в обозначении <a> через *o* в возвратном постфиксе *-ся* (*случищцо*). Регулярно фонетическая и гиперкоррекционная запись соседствуют в одном слове (*учиники*).

Знаменательно, что при фонетической записи <a> обозначается через *и* реже, чем другие фонемы, а безударный [и] гиперкоррекционно буквой *a* не обозначается никогда. Это, видимо, соответствует наивным языковым представлениям носителей о том, что букве *a* всегда соответствует а-образный звук (как знают все преподаватели, стандартной ошибкой и школьников, и студентов является транскрибирование слов типа *часы* с безударным [a] вместо [и]).

В зоне оглушения и озвончения согласных действуют те же принципы – фонетический (*месяцеф*) и гиперкоррекционный (*учаснег*), причем сочетания *фф* и *цц* стали одними из «фирменных» знаков ЯП (*аффтат, креатифф, аццкий*).

Некоторые гиперкоррекционные формы (*учаснег, красавчег*) настолько лексикализировались в ЯП, что другие формы, в которых <к> находится в сильной позиции, стали записываться с *г*, что нарушает не только орфографические, но и графические нормы языка: *красавчеги, учаснеги*.

ЯП широко отражает фонетическую компрессию слов, свойственную разговорной речи: *сопсно* (*собственно*), *чё* (*чего*), *какихнить* (*какихнибудь*), *ся* (*себя*), *тыщ* (*тысяч*). В лингвистических работах, посвященных разговорной речи, отмечается, что «сильную фонетическую деформацию ряда ударных слов можно объяснить их высокой встречаемостью в РР» [18, с. 45]. Именно эти компрессивы и именно в таком написании, отражающем их особое интонирование, употребляет, например, Л. А. Капанадзе в своих записях звучащей речи [6, с. 89–90]. Как известно, такое написание (*щас, тыща* и др.) является узуальной нормой, принятой, наряду с традиционным написанием, во многих письменных жанрах разговорной речи (например, в чате или смс-переписке).

В ЯП широко распространена запись, в которой по созвучию используются иные буквенные или даже цифровые знаки. В ЯП использование латиницы не принято, однако чрезвычайно распространена замена *ч* на *4* и *ш* на *6*: *4тоб* (*чтоб*), *ребил* (*решил*).

Таким образом, к средствам унификации в орфографии ЯП следует отнести следующее:

– сам принцип языковой игры в ЯП предполагает нарушение графико-орфографических норм через использование двух приемов – фонетического письма и гиперкоррекции;

– языковая игра в ЯП проявляет себя преимущественно в области буквенного оформления лексем и отчасти в области слитного, раздельного и дефисного написания слов, но только в тех зонах, где компоненты образуют одно фонетическое слово;

– графические сокращения в ЯП не приняты;

– ЯП выработал «фирменные» приемы оформления некоторых морфем (например, *-ся* как *цо* или *ца* или *-ов* как *афф* или *офф*).

Тем не менее, по отношению к ЯП с полным правом может быть применено понятие индивидуального стиля – излюбленных приемов языковой игры, характерных именно для данного автора.

Занимательность ЯП как формы языковой игры так велика, что на нем в Сети можно найти множество текстов самой разной тематики. Так, например, на сайте www.strana-oz.ru размещен отклик на опубликованную в № 2 «Отечественных записок» за 2005 г. статью Л. П. Крысина «Языковая норма и речевая практика»: *«Аффта-ру зачод. Тока каменты есть. Норму лихко навязывать кагда ана харашо мативиравана. Ну например ‘Сидя на лавачки пралител самалёт’ плоха патамушта диепричастие далжно атнасицца ктому кто сидит налавачки, а ни к самалету. Или исчо: инцыНдент, прецыНдент, канстаНтиравать и кампрамиНтиравать плоха патамушта в этих славах -н- не пишыцца, но ашибачна праизносицца. А вод с нормами ударений дЕла апстаит нескалька слажнее. Эти нормы ниретка бываюд двойственны патамушта «правильный» вариант в них мативираван ни лучше чем «ниправильный» (гаварим абиспЕчиние патамушта абиспЕчивать; гаварим абиспичЕние па аналогии с увилчЕние, агрничЕние и т. п.). <...> С ашыпками нада бароцца, а вот вариативнасть йязыкавой нормы нада проста фиксировать фславарях, оба варианта, как у пендасаф: хочишь гавари kilo'meter (кило'митр), а хочишь – kilome'ter (киломи'tр), хочишь i'nterested (и'нтрестед), а хочишь – intere'sted (интре'стед), и т. п. Нинада байацца вариативнасти и вацце диверсификацьи. Таталитарна-пирамидальна-праваславна-угаловнае сазнание*

нада либериализировать. Фтом числе при помосчи йязыка».

Высокая языковая компетенция создателя этого текста не вызывает никаких сомнений; кроме того, не исключено, что автор – профессиональный лингвист.

Тем не менее, реакция на ЯП как нефилологов, так и профессиональных лингвистов далеко не однозначна: этот феномен сразу вписался в разряд явлений, угрожающих чистоте русского языка. Но, хотя лингвисты констатируют в статьях, монографиях и коллективных сборниках безусловные многочисленные изменения (например, [10; 23; 24]) и даже иногда позволяют себе оценочные высказывания в адрес этих изменений (см., например, статью М. А. Кронгауза «Заметки рассерженного обывателя» [9]), те же лингвисты утверждают, что «говорить о гибели, смерти, порче и т. п. русского языка нет оснований» [19, с. 12].

При всей справедливости данного утверждения вынуждена, однако, как лингвист и педагог, высказать определенные опасения. Основное поле бытования новых письменных жанров РР – Интернет и его русскоязычный сектор (Рунет) – является мощнейшим инструментом воздействия. При этом Рунет стремительно «молодеет»: если раньше почти половину его пользователей составляли люди с высшим образованием, то теперь им активно пользуются подростки и дети начиная примерно с 10–12 лет. Это возрастная группа людей, языковая компетенция которых находится в стадии активного формирования.

Представление о языковой норме дети и подростки получают в процессе обучения в школе, однако главным формирующим средством является окружающая их языковая среда. О. В. Кукушкина отмечает, что «владение типовыми способами описания – навык, который не приобретается путем чтения грамматик. Он возникает только в результате активного усвоения текстов определенной тематики» [11, с. 8]. Это же можно сказать и о других языковых навыках, в частности орфографических. В подавляющем большинстве случаев мы усваиваем нормативное употребление и написание слова на основании сознательного или бессознательного анализа устных и письменных текстов.

Одним из основных носителей текстовой информации у подростков становится Интернет, жанры письменного общения в котором различны, но зачастую оппозиционны по отношению к нормативному правописанию. И если эта речевая

практика не представляет опасности для человека со сформированной языковой компетенцией, то отнюдь не безобидна в отношении тех, чья компетенция только формируется. Моторная и зрительная память работает при написании слова и при его наборе на клавиатуре (а клавиатура становится постепенно основным инструментом письма), таким образом, измененное, пусть и намеренно, написание слова не может не повлиять на его запоминание в процессе формирования орфографических навыков.

Как представляется, данная проблема требует специального социолингвистического исследования.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.
2. Гусейнов, Г. Другие языки. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей [Электронный ресурс] / Г. Гусейнов. – Режим доступа : www.nlo.magazine.ru/dog/tual/main8.html.
3. Дедова, О. В. Антиорфография в Рунете [Текст] / О. В. Дедова // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. – М. : МГУ, 2007. – С. 342–343.
4. Зализняк, Анна А. Переписка по электронной почте как лингвистический объект [Электронный ресурс] / Анна А. Зализняк. – Режим доступа : www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Zalizniak.htm.
5. Иванов, Л. Ю. Язык интернета: заметки лингвиста [Электронный ресурс] / Л. Ю. Иванов. – Режим доступа : www.ivanoff.ru/rus.
6. Капанадзе, Л. А. Голоса и смыслы: Избранные работы по русскому языку [Текст] / Л. А. Капанадзе. – М. : Институт русского языка РАН, 2005. – 334 с.
7. Кибрик, А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов [Текст] / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009 – № 2. – С. 3–21.
8. Князев, С. В. Орфография интернет-блогов как источник лингвистической информации [Текст] / С. В. Князев, С. К. Пожарицкая // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. – М. : МГУ, 2007. – С. 346–347.
9. Кронгауз, М. А. Заметки рассерженного обывателя [Текст] / М. А. Кронгауз // Отечественные записки: Общество в зеркале языка. – 2005. – № 2. – С. 8–17.
10. Крысин, Л. П. Языковая норма и речевая практика [Текст] / Л. П. Крысин // Жизнь языка: Памяти Михаила Викторович Панова. – М. : Языки славянских культур: Знак, 2007. – С. 301–315.
11. Кукушкина, О. В. Основные типы речевых неудач в русских письменных текстах [Текст] / О. В. Кукушкина. – М. : Диалог-МГУ, 1998. – 288 с.
12. Литневская Е. И. Психолингвистические особенности Интернета: некоторые особенности чата как исконно сетевого жанра [Текст] / Е. И. Литневская, А. П. Бакланова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 2005. – № 6. – С. 46–61.